

УДК 94(497.2)"15/19"

DOI 10.25688/2076-9105.2018.32.4.08

**С.А. Агуреев,
А.А. Болтаевский**

Проблема трансформации внешней политики Болгарии в период Первой мировой войны

Статья посвящена трансформации внешнеполитического курса Болгарии накануне и в период Первой мировой войны. Авторы приходят к выводу, что противостояние с другими Балканскими странами в ходе II Балканской войны привело страну к участию в Первой мировой войне, закончившееся для Болгарии геополитической катастрофой.

Ключевые слова: Болгария; Первая мировая война; геополитика.

В 1981 году во время празднования 1300-летнего юбилея Болгарии президент Франции В. Жискард д'Эстен справедливо назвал эту балканскую страну древнейшим из современных европейских государств. Отметим и еще один аспект: находившаяся на территории Древней Фракии (сегодня — Болгария) римская провинция Европа дала название всему континенту, ставшему настоящим центром цивилизации.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов положила начало новой Болгарии, освободившейся от османского ига. Берлинский конгресс ознаменовал начало эпохи межгосударственных конфликтов на Балканах, которые очень скоро получили заслуженное название порохового погреба Европы. По условиям Берлинского договора Османская империя сохранила формальный сюзеренитет над Болгарией: София могла иметь дипломатических представителей в европейских странах только с согласия Высокой Порты.

В 1900 году молодой болгарский преподаватель Г.Т. Данаилов выступил в Болгарском экономическом обществе с рефератом, в котором главным был следующий вопрос: «Как слабая Болгария может защититься от Австрии или Германии?» Ответ на него он видел в создании сначала таможенного союза, а затем и политической конфедерации балканских государств, опираясь на немецкий пример. Данаилов писал: «Румынии, Сербии, Греции, да даже и Турции угрожают, как и нам, наши конкуренты — Австро-Венгрия и Германия» (цит. по: [7: с. 430]).

Балканская война 1912 года, последовавшая вслед за ней Межсоюзническая война привлекли внимание всей Европы. Наблюдатели были уверены, что 1912–1913 годы должны были стать переломными для Балканских стран.

Победители сами вступили с друг другом в схватку, а Болгария в рамках Межсоюзнической войны пережила первую национальную катастрофу. Оценивая рискованную позицию болгарских политиков в этот момент, академик Г. Марков справедливо указывал, что они были проиграны Болгарией еще до их начала [11: с. 27].

Болгария, не получившая Македонию, остро жаждала реванша. П. Заболотский писал: «Лишиться Македонии в целом для болгар было все то же, что нам, русским, лишиться одного из своих культурно-исторических центров: ведь из Македонии шло болгарское возрождение, оттуда шли лучшие болгарские борцы, там была древняя Охридская патриархия, там интенсивно кипела культурная болгарская работа и никогда не умирал в душе болгарина сан-стефанский завет Царя-Освободителя» [4: с. 171].

Идеологическая подготовка активно велась на страницах прессы. Софийский официоз «Эхо Болгарии» писал 23 ноября 1916 года: «Незначительная Болгария была подготовлена к союзу с центральными державами как своим географическим положением, так и той ролью, которая ей была предназначена на Балканах» (цит по: [4: с. 17]).

Особенно остро стоял вопрос о выходе к Эгейскому морю, которым Болгария владела с 1913 по 1919 год. Болгарские авторы отмечают, что македонский вопрос заслонял собой беломорскую проблему (Эгейское море. — *Прим. авт.*), что в итоге сказалось на его статус-кво.

Русский корреспондент в Болгарии И. Калина сообщал в начале 1915 года: «Недоверие к России — не новость в болгарской политике. Но никогда, кажется, не было его здесь так много, как теперь. Им в той или иной мере охвачена чуть не вся болгарская интеллигенция, которая до сих пор еще продолжает видеть в злокозненности русской дипломатии одну из главных причин всех болгарских несчастий» [6: с. 295–296].

Болгарский Генеральный штаб разработал несколько оперативных планов в случае начала войны с соседними странами: оперативный план «А» — на случай войны с Турцией, план «Б» — с Грецией, план «В» — с Румынией, план «Г» — с Сербией. В целом для болгарского военно-политического руководства было ясно, что собственная армия не сможет отразить общую интервенцию балканских государств. Как указывал П. Гинденбург, «отставание Болгарии в сравнении с прочими западноевропейскими странами по уровню развития промышленности и технологий дополнительно осложняло внедрение и использование в ее национальной армии боевой техники и транспортных средств, необходимых для ведения современной войны» [2: с. 149]. Будущее показало справедливость его слов.

В августе 1915 года за основу болгарского плана действий был положен оперативный план «Б–Г», предусматривавший одновременные действия против Сербии и Греции. Для наступления на территорию Сербии были выделены Первая и Вторая армии общей численностью 257 тыс. человек. Третья армия, состоявшая из 100 тыс. человек, предназначалась для охраны румынской

границы. Охрана греческой границы была возложена на 2-ю пехотную Фракийскую дивизию и 10-ю пехотную Беломорскую дивизию.

28 сентября сербские войска вступили на территорию Болгарии в районе Белоградчика, но затем отступили. Болгарские части, в свою очередь, завладели стратегическими высотами Китка и 29 сентября вступили в Сербию. Таким образом, единственная возможность премьер-министра Болгарии В.Х. Радославова оправдать свои дальнейшие действия была упущена [10: с. 433].

Участие болгарской армии в Первой мировой войне можно разделить на два периода: маневренный (1 октября 1915 – конец 1916 г.) и позиционный (начало 1917 – сентябрь 1918 г.).

Несмотря на тесную финансово-экономическую зависимость от Германии, только летние успехи центральных держав в 1915 году способствовали окончательному решению царя Фердинанда и премьер-министра Радославова. Но прежде свои территориальные претензии Болгария предъявила Сербии, что практически исключало нахождение компромисса с Антантой.

Руководитель российского внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонов признавал, что к переходу Болгарии на сторону германского блока и последующему разгрому Сербии и Болгарии привели серьезные промахи антантовской дипломатии [1: с. 31].

Военный министр А.А. Поливанов констатировал в феврале 1916 года: «Среди событий, свершившихся в течение минувших месяцев, каждый русский человек с болью в сердце увидел измену болгарского правительства своему славянскому долгу. Не первый уже случай, когда спасенные Россией государства удивляют мир своей неблагодарностью, но эта измена славянского государства имела последствием одоление немцами двух славянских же государств — Сербии и Черногории...» (цит по: [1: с. 23]).

Вступление Болгарии в войну на стороне Берлина рассматривалось целым рядом политических деятелей как определенное поражение российской дипломатии. На четвертой сессии Государственной Думы IV созыва, проходившей после потери союзниками Балканского полуострова, положение в Юго-Восточной Европе не один раз становилось предметом острых обсуждений. Представитель самой крупной в IV Государственной Думе фракции земцев-октябристов Е.П. Ковалевский отмечал: «Неосведомленность нашего представителя в Софии, наивная его уверенность, что Болгария-де не может пойти против России, потому-де, что народ не пойдет, неверное суждение о пределах территориальных и политических претензий Болгарии и попытка опереться на неорганизованную, “слабую, как тростник”, — я употребляю выражения г. министра иностранных дел, — оппозицию, все это повело к тому, что Болгария не только откровенно перешла во враждебный стан, но устами своего премьер-министра Радославова провозгласила германское торжество над трупом России» [3: с. 143].

Сходной точки зрения придерживался и П.Н. Милуков: «Наша дипломатия обнаружила слабость и нерешительность, которая и дала возможность Болгарии вооружиться и выбрать тот момент для нападения, который она сама находила для себя более подходящим» [3: с. 224]. Вместе с тем он был вынужден признать: «И Фердинанд и некоторые другие балканские монархи, при всех своих личных связях с нашими врагами, все же должны считаться с национальными интересами. Они должны защищать национальные интересы своей страны. Болгары очень гибки и очень склонны к уступкам, но болгары практический народ... Оказалось, что болгары при помощи наших врагов восстановили этнографическую Болгарию в тех старых пределах, которые Россия давала ей по Сан-Стефанскому миру...» [3: с. 496].

Относительно территориальных уступок мнения российских политиков разделились. Известный своим болгарофильством П.Н. Милуков говорил: «1 сентября 1915 года дипломаты согласия явились к Радославу и сделали то, что я советовал сделать с самого начала. Они торжественно гарантировали Болгарии приобретение Македонии в границах договора 1912 года, совершенно независимо от того, как на это посмотрят Сербия и Греция. Я утверждаю, что если бы это предложение, сделанное в сентябре, когда положение было безнадежно, было сделано хотя бы в марте 1915 года, когда Болгария находилась под впечатлением взятия Перемышля (9 марта) и нашего появления у Босфора (15 марта), то Болгария была бы на нашей стороне, Сербия не была бы разорена, и, может быть, судьба Турции была бы теперь решена» [3: с. 497].

Но большинство представителей российского политического истеблишмента было склонно обвинять Болгарию в открытом предательстве и союзничестве с Германией.

В свою очередь, Центральные державы предложили Болгарии земли Македонии, а в случае вступления в войну Греции и Румынии на стороне Антанты — часть их территории, что в конечном итоге и обусловило позицию правительства В. Радославова.

Союз с Болгарией обеспечивал не только военный перевес Германии на Балканах, но и коридор для связей с Турцией, окруженной почти со всех сторон вражеским кольцом. Вступление Болгарии в войну осенью 1915 года вызвало изменение ситуации на Балканском полуострове в пользу Германии. Сербия была разбита, а остатки ее армии сначала были эвакуированы на остров Корфу, а затем в Салоники. Болгария вернула Македонию, где, в свою очередь, обрушила репрессии теперь уже на сербское население. Вновь присоединенные территории были разделены на 16 административных округов, к которым добавился Одринский округ, добровольно переданный Болгарии Турцией. Болгарская пресса всячески подстегивала общественное мнение страны, восхваляя расширение границ.

К лету 1916 года болгарские вооруженные силы были разделены на три армии общей численностью 670 тыс. человек: 1-я армия под командованием

генерала К. Бояджиева и 2-я армия генерала Г. Тодорова (обе армии состояли из 4 дивизий) были размещены на Салоникском фронте, 3-я армия генерала С. Тошева (в составе трех дивизий) размещалась на линии «Бургас – Варна – Русчук» и в дальнейшем участвовала в румынской кампании. Описываемый период отмечен наибольшим военным и политическим значением Болгарии в Четверном союзе. Осенью 1916 года после вступления в войну Румынии на стороне Антанты болгаро-немецкие части быстро разбили румынскую армию. Особенно большой резонанс имело взятие считавшейся неприступной крепости Тутракан с 40-тысячным румынским гарнизоном (подробнее об этой кампании см. в воспоминаниях С. Тошева [12]).

Одна из немецких газет так характеризовала это событие: «Блестящая победа при Тутракане вызвала большой энтузиазм во всей Германии. На улицах проходят народные манифестации в честь болгарской союзницы» [13: с. 143]. Болгария, однако, всегда была для Германии лишь орудием, а не партнером. Позднее главнокомандующий болгарской армией Н. Жеков писал своему немецкому коллеге фельдмаршалу П. Гинденбургу, что в Добрудже, как и в других местах, германские военные власти относятся к Болгарии не как к союзнице, а как к побежденной стране. Более того, Северная Добруджа была передана кондоминиуму победителей, несмотря на протесты болгарской стороны, что в итоге привело к падению кабинета Радославова.

Затянувшаяся война вызвала резкое ухудшение жизни в Болгарии. С июля 1914 по апрель 1918 года цены на хлеб выросли в 2 раза, на масло — в 7 раз, на картофель — в 11 раз.

Только за 1918 год в Болгарии от голода и болезней скончались около 182 тыс. человек, что было выше, чем потери болгарской армии за весь военный период (Работнически вестник. 1919. 3 ноября: с. 2). Определенное влияние на Болгарию оказала и Октябрьская революция в России. Газета социалистов «Работнически вестник» писала: «Болгарский народ никогда не забудет того, что великая революционная и социалистическая Россия первая подала ему братскую руку мира и этим решительно положила начало спасения и его и всего мира от ужасов войны» (Работнически вестник. 1917. 30 декабря: с. 2).

С лета 1918 года в Швейцарии болгарские представители вели переговоры с американскими делегатами о возможностях выхода из войны. В течение 1918 года происходило усиление Салоникской группировки Антанты, в которую вошли и греческие войска. В конечном итоге именно этот, казалось бы, удаленный театр сыграл важную роль в поражении Четверного союза.

В середине сентября 1918 года в Македонии при Добро Поле началось решающее наступление союзников, имевших серьезный перевес: на направлении главного удара соотношение сил Антанты и Четверного союза в пехоте было 2,3 : 1, в артиллерии и авиации — 5 : 1. В результате фронт был прорван. Анализируя события на Балканах в сентябре 1918 года, генерал Э. Людендорф признавал, что в тот момент «никто не заблуждался относительно серьезности

положения, создавшегося вследствие развала Болгарии» [8: с. 416]. В годы Первой мировой войны в Болгарии было мобилизовано 20 % населения, за 36 месяцев боевых действий погибло 101 234 солдата и офицера и 155 тыс. — оказались ранеными [9: с. 8]. Процент мобилизованного в армию населения Болгарии был выше, чем в Австро-Венгрии и Германии [5: с. 8].

Поражение в районе Добро Поле в середине сентября 1918 года вызвало серьезные солдатские волнения. Очень скоро центром восстания стал город Радомир, где был образован революционный совет, в состав которого входили представители партии тесных социалистов, Земледельческого союза и анархист. 27 сентября 1918 года в Радомире была провозглашена республика. Число восставших солдат достигало 30 тыс. человек, против которых правительство могло выставить не более 500 солдат [5: с. 26–27]. 28 сентября авангард восставших солдат расположился у села Владая всего в 15 км от Софии. В этот критический момент 29 сентября на помощь правящему режиму из Крыма прибыла 217-я германская дивизия. Отряды восставших оказались разбиты, через несколько дней пал и Радомир. В эти же дни в Салониках было подписано перемирие между Болгарией и Антантой, поставившее крест на геополитических амбициях Фердинанда. Последний вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Бориса. 19 сентября 1919 года представителям Болгарии передали сформулированные Антантой условия мира.

Изменения, внесенные союзниками на протест болгарской стороны, носили крайне незначительный характер: так, согласно ст. 83 Трианонского договора, Болгарии было разрешено сохранить на Дунае и вдоль побережья для полиции и надзора за рыболовством максимум 4 миноносца и 6 моторных лодок, при этом «все эти единицы будут лишены мин и минных аппаратов» [5: с. 31]. Согласно ст. 69, страна получала возможность образовать корпус пограничной стражи численностью не более 3 тыс. человек. Однако основные военные положения носили уничижающей характер: ст. 65 заявляла, что «обязательная для всех военная служба будет отменена в Болгарии. Болгарская армия будет строиться и комплектоваться в будущем только путем добровольного найма» [5: с. 25]. На страну были наложены огромные репарации в размере 2 млрд 225 млн франков.

Э. Людендорф справедливо указывал, что в годы Первой мировой «болгарская армия и сама Болгария хотели вести войну постольку, поскольку это отвечало их национальному стремлению сделаться великой державой Балканского полуострова. Ожидать какой-нибудь военной помощи от Болгарии на другом театре военных действий Четверного союза не приходилось» [8: с. 231]. Двадцать лет спустя новый виток укрепления германо-болгарских отношений привел к реализации давней болгарской мечты: возвращения Южной Добруджы, потерянной по итогам Второй Балканской войны. В результате Крайовского соглашения 7 сентября 1940 года утерянная житница вновь оказалась в составе родного края. Одновременно начался усиленный процесс национализации

Добруджи: из южной части активно переселялись румыноязычные поселенцы, а прибывали болгары из ее северной, оставшейся в составе Румынии, части. Однако идеи о создании Великой Болгарии и исторического реванша на Балканах не покидали представителей болгарской правящей элиты вплоть до окончания Второй мировой войны, ставшей катастрофой для всего болгарского народа.

Литература

1. *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1989. 312 с.
2. *Гинденбург П.* Из моей жизни. М.: Principium, 2013. 336 с.
3. Государственная дума. Четвертый созыв. Четвертая сессия. Стенографический отчет. Пг., 1916. 816 с.
4. *Заболотский П.* Черногория и король Николай в борьбе за сербский и славянский идеал // Славянские известия. 1915 . № 14. С. 170–172.
5. История Болгарии: в 2 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1954. 779 с.
6. *Калина И.* Из Болгарии // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 293–302.
7. *Костов А.* Болгарские проекты экономической интеграции стран Балканского полуострова в начале XX в. // Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.: сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 432–444.
8. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов. М.: Эксмо, 2015. 752 с.
9. Българската армия в Първата световна война. София: Военно издателство, 2015. 359 с.
10. *Геогиев Б.* Миражът за «Велика България». Животът и дейността на д-р В. Радо-славов (1854–1929). В. Търново: ИВИС, 2016. 600 с.
11. *Марков Г.* Поуки от Балканските войни 1912–1913 г. // Военноисторически сборник. 2003. № 1. С. 24–27.
12. *Тошев С.* Действията на III армия в Добруджа през 1916 година. София: Захарий Стоянов, 2007. 321 с.
13. *Хинева М.* Боевете при Тутракане през 1916 г. // Тутракан в историческото развитие на Добруджа. Тутракан: Националният военноисторически музей, 1995. С. 137–148.

Literatura

1. *Vasyukov V.S.* Vneshnyaya politika Rossii nakanune Fevral'skoj revolyucii. 1916 – fevral' 1917 g. M.: Nauka, 1989. 312 s.
2. *Gindenburg P.* Iz moej zhizni. M.: Principium, 2013. 336 s.
3. Gosudarstvennaya дума. Chetverty'j sozy'v. Chetvertaya sessiya. Stenograficheskiy otchet. Pg., 1916. 816 s.
4. *Zabolotskiy P.* Chernogoriya i korol' Nikolaj v bor'be za serbskiy i slavyanskiy ideal // Slavyanskiye izvestiya. 1915 . № 14. S. 170–172.
5. Istoriya Bolgarii: v 2 t. T. 1. M.: AN SSSR, 1954. 779 s.
6. *Kalina I.* Iz Bolgarii // Vestnik Evropy'. 1915. № 2. S. 293–302.

7. *Kostov A.* Bolgarskie proekty' e'konomicheskoy integracii stran Balkanskogo poluostrova v nachale XX v. // Balkany' v evropejskix politicheskix proektax XIX–XXI vv.: sb. statej / otv. red. R.P. Grishina. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2014. S. 432–444.
8. *Lyudendorff E'.* Moi vospominaniya o vojne 1914–1918 godov. M.: E'ksmo, 2015. 752 s.
9. B''lgarskata armiya v Pr''vata svetovna vojna. Sofiya: Voenno izdatelstvo, 2015. 359 s.
10. *Geogiev B.* Mirazh't za «Velika B''lgariya». Zhivot't i dejnostta na d-r V. Radoslavov (1854–1929). V. T''rnovo: IVIS, 2016. 600 s.
11. *Markov G.* Pouki ot Balkanskite vojni 1912–1913 g. // Voennoistoricheski sbornik. 2003. № 1. S. 24–27.
12. *Toshev S.* Dejstvuyata na III armiya v Dobrudzha prez 1916 godina. Sofiya: Zaxarij Stoyanov, 2007. 321 s.
13. *Xineva M.* Boevete pri Tutrakane prez 1916 g. // Tutrakan v istoricheskato razvitiie na Dobrudzha. Tutrakan: Nacionalniya voennoistoricheski muzej, 1995. S. 137–148.

S.A. Agureev,

A.A. Boltaevskiy

The Problem of Transformation of the Foreign Policy of Bulgaria during the First World War

The article is devoted to the transformation of the foreign policy of Bulgaria on the eve and during the First World War. The authors conclude that the confrontation with other Balkan countries during the Second Balkan War led the country to participate in the First World War, which ended in a geopolitical catastrophe for the country.

Keywords: Bulgaria; World War I; geopolitics.